

БЫЛА БЫ ЖИВА РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Горькую судьбу приготовила жизнь Анатолию Санжаровскому, можно сказать, изначально, еще до рождения. Его будущие родители, неграмотные воронежские крестьяне из села Новая Криуша, что под Калачом, не вступили в колхоз в роковые тридцатые годы. В 1934 году их раскулачили, отобрали скудное имущество и сослали на спецпоселение в Заполярье на лесоработы. Там и родился будущий писатель в 1938-м в селе Ковда под Кандалакшей, где его отец с матерью, чернорабочие, терпужили на лесозаводе №7... Реабилитация пришла лишь в 1996 году. А сколько было пережито!

Отмучилась семья пять северных тяжелых лет — ее опять высылают. На этот раз в Западную Грузию, в совхоз-колонию «Насакиральский». Трудная жизнь научила его писать свои книги только о людях стойких, мужественных. Но прежде многое довелось испытать автору.

После средней школы — кочегар на Евдаковском маслозаводе, рабочий промкомбината. А дальше газеты: в Щучьем, в Лисках Воронежской области, в Чувашии, Рязани, Туле, три года работал редактором в центральном аппарате ТАСС.

Анатолий Никифорович вспоминает: «Днем — служба, а по вечерам и в выходные — работа над своей прозой. Журналистская беготня меня больше не грела. Бросить все это? Но если я не буду пристегнут где-нибудь к службе,

по жестким советским законам меня могут выселить из Москвы за тунеядство. И я рвался на два берега — литература и служба. Прикопался в одном московском журнале вольным художником, жил лишь на гонорары, но зато исправно «капал» законный производственный стаж.

Выполняя редакционные задания, я не забывал и о своем. В командировках искал героев для будущих прозаических вещей. Так, к примеру, столкнулся с темой оренбургского платка. Писали о нем многие и много, но почему не попробовать написать что-то покапительней? И вот прошло время, и мой «Оренбургский платок» стоял уже в очередном номере журнала «Октябрь». Прочитал я верстку и затосковал. Разве у меня выплеснулось именно то, что я хотел? Забрал «Платок» из журнала и уехал болтаться по оренбургским весям. Ездил-хотил из села в село, смотрел, как вяжут пуховницы, и не приставал с разговором о жите-бытье — он сам неволей выскочит. Ясно я знал лишь одно: мне не нужно то, что уже было. Была гора очерков, сиропных умилений воз, а мне хотелось поймать дух радости, что лилась из-под спиц.

Хорошая встреча вышла у меня в Желтом с Анной Федоровной Блиновой. Старенькая, одна в хатке. Как ни люби спицы, но они большие молчуны. А тут целый прибудный писарчук наявился. Мы проговорили день и почти всю ночь, до пяти утра. После этого многое во мне стало на свои места.

Я даже не могу теперь представить, что бы у меня получилось, вяжи я свой «Платочек» от третьего лица. А сочинять от имени Анны Федоровны мне было очень интересно. Мы как бы слегка поменялись ролями. Она рассказы-вала-диктовала мне свою историю, а я лишь слушал и прилежно записывал уже готовенькое сразу на машинке.

Первый рассказ на тему оренбургского платка я привез из командировки, он был опубликован в новогоднем номере московских «Известий» за 1978 год. А повесть «Оренбургский платок» с колес

влетела в журнал «Наш современник». И позже около тридцати раз звучала на центральном радио».

Хорошо знать мнение опытного человека о своей работе. И полетело в Вологду письмо Санжаровского Виктору Петровичу Астафьеву. Вскоре пришел ответ:

«Дорогой Анатолий Никифорович! Повесть хорошая. Прочитал я ее с большим удовольствием, многое было для меня ново и внове. Дай Вам Бог и далее удачи, здоровья и радости в работе, а Вашим близким всякого добра.

*В. Астафьев.
27 августа 1979 г.»*

Этот отзыв решил судьбу Санжаровского. Он оставил газетно-журнальную беготню, стал писать в основном только прозу. В 1985 году московское издательство «Молодая гвардия» выпустило первый сборник его повестей «От чистого сердца». А «Платок» не отпускал его около сорока лет. Повесть значительно увеличилась и стала романом.

В произведениях Анатолий Санжаровского не так уж редко упоминается название воронежского райцентра Нижнедевицка. Корни у писателя воронежские издавна. Потому не случайно в шестидесятых годах прошлого века его мама и братья переехали жить в Нижнедевицк. Каждое лето или в осень он приезжал к ним в отпуск. Бдение за московским письменным столом менялось на уборку картошки, ремонт погреба, сарая, на хлопоты по дому. Не забывал он и о своих литературных замыслах — встречался с интересными людьми, писал о них очерки для московских журналов и газет. Эти очерки были потом «зацепками» для его будущих повестей и романов. Именно здесь у Санжаровского родилась мысль написать художественную повесть о русских женщинах-механизаторах.

Это повествование под названием «Жених и невеста» — о деревенских стариках, пронесших через всю жизнь высокое чувство любви. О главной героине, прошедшей коллективизацию,

войну, трудные годы восстановления. Вот как написал в предисловии к молодоговардейской книге известный критик Валентин Курбатов: «Растет новая смена у старой героини повести «Жених и невеста», которая так много работала, что и дети («семерых погодков привела я в дом») выросли и внуки, а ей все некогда было со своим стариком (а ведь вчера еще, кажется, парнем был) в ЗАГС сходить и зарегистрировать свой все переживший брак. До войны с трактора не слезала, в войну намыкалась в оккупации, потом опять на трактор, вырастила целый отряд девушек-механизаторов, и дети за ней потянулись, и дочь подорвалась вместе с машиной на немецкой mine в поле, а другая дочка потянула борозду дальше».

Они не искали награды, эти старые подвижники, — была бы жива родная земля, и если сейчас и поворчат иной раз, то не вовсе без права. Они немного ждут — уважения своей старости <...> Немного грустно, что они уходят навсегда, что уходит с ними речь, которая еще так живо роднит их с некрасовскими красавицами, для которых никакой труд не в тягость...»

Основные события в трилогии «Мертвым друзья не нужны» о раскулаченной крестьянской семье разворачиваются именно в нижедевицкой сторонке. Основные прототипы этого сочинения — местные жители. Начинается трилогия романом «Поленька».

Нижедевицк — основное место действия повести в житейских бывальщинах «Говорила мама...» Прототипы героев романа «Колокола весны» также жили в Нижедевицке, причем произведению Санжаровского, в центре которого трудная судьба талантливого деревенского парня, дала высокую оценку «Литературная газета»: «Это — гимн русскому характеру».

В нижедевицких селах писатель заметно пополнил свой сборник народных пословиц, поговорок, присловий, скороговорок, примет, загадок о лесе и его

обитателях, о природе — «Природы краса». На создание книги ушло 47 лет. На протяжении четырех лет — 1973, 1974, 1975, 1978 — журнал «Юный натуралист» из номера в номер печатал под рубрикой «Азбука народной мудрости» главы из этого сборника.

После поездки на запад Украины Санжаровский пишет дилогию «Подкарпатская Русь» (романы «Русиния» и «В центре Европы») — о жизни русинов в Закарпатье и в Канаде. Замечательный прозаик и секретарь правления Союза писателей РСФСР, член правления издательства «Советский писатель» Василий Белов прислал автору отзыв об этой рукописи: «Повесть, ясно, надо издать. Особенно нравится мне язык...»

Санжаровскому очень дороги его переводы с украинского. Мама писателя родилась и выросла в воронежском хуторке Собацком у Калача, где был в традиции хохлацкий говор. Потому и интерес писателя к украинскому языку не случаен. Но тексты «колумба украинского юмора и сатиры» Василя Чечвянского, старшего родного брата Остапа Вишни, ему удалось напечатать только в 1990 году в «Библиотеке «Огонька». Впоследствии в его переводах были изданы произведения Остапа Вишни, Микола Билкуна, Ивана Сочивца, рассказы белорусских, польских, немецких юмористов.

Проза Анатолия Санжаровского печаталась в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Огонек», «Воин России», «Смена». Его произведения выпускали московские издательства «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Правда», «Детская литература», «Вече». Но последняя книжка «Избранное», объединившая под одной обложкой три романа, вышла в Воронеже, весь тираж автор безвозмездно передал своим землякам в районные и городские библиотеки.

Александр ВОЗОВИКОВ

Некто Коварский, помятый болью, небритый, просипел:

— Доктор... спина, голова... Спасу нет...

Проговорил Коварский это проникновенно-горячечным тоном, чему молодая полнушка Дзыга не поверила. Хмыкнула:

— Вы что, выжили? Да?

Коварский смутился. Уж чего-чего, а такой глупи не ожидал от новенькой докторши.

— А вы подносили? — встрепенулся он. — У меня года три стоял пузырь краснушки. Про запас держал на нечаянный гостевой фестиваль. Осадок пальца на два залег... Я и вымахни тот красняк в унитаз. Я вообще не пью!

Дзыга распахнула розовый массивный рот.

Толстушка впервые видела живого человека, который не пьет. Не то что ластик, политуру, универсальный клей, гуталин, лосьон, воздухоосвежитель, тормозную жидкость, тараканью морилку, жидкость для чистки изделий из стекла — само красненькое даже не приемлет! Уму недостижимо... Не пьет! Да таковского на сохранность — в Красную Книгу! Портрет в угол! И молись, как на иконку!

— Ни грамма? — неверяще уточнила пухля.

— Ник килограмма! — огрызнулся Коварский.

— Может, и не курите?

— А с чего б мне курить?

«Кто не курит и не пьет, тот здоровенький помрет!» — ликующе пропела в мыслях Дзыга и любовно усталилась на него.

А ничего. Не гвоздь там какой беременный. Ей-ей, ничего-го-гошеньки! Все пучком! Все ж исправимо! Пузыри на коленях, на локтях можно разгладить. Купить ремень, брюки перестанут съезжать на кривые ботинки. Можно и ботинки выпрямить, купивши новые... Все мокрощелки нагло ждут принцев. Но где ж этих принцев на всех набраться? Нерасторопный Боженька не завез на землю в достаточном количестве. Надо закатывать рукава повыше и смело брать то, что заплыло в наши худые сеточки. Надо самой себе сотворить принца! Да если этого Коварского, скрюченного радикулитом, слегка распрямить, приодеть, скосить со щек рыжую стерню, — красавиц будет! Безотбойный! Вполне мой формат!.. Не-е, непьющие кавалерию под заборами штабелями не валяются! Этого чичисбейку надо брать живьем, куда не упал. Мечтяк!

А тут к месту сказать, Дзыга была глубокая, ветхозаветная дева той авральской поры, когда про жениха уже не спрашивают глупостей вроде «Какой он?», а с судорогой требуют: «Г-где-е-е о-о-он? С-с-с-сюда его!»

Поэтому времени на раскачку она себе не дала.

Поближе к глазам подтолкнула карту Коварского. Вся унырнула в нее.

«Тэ-экс... Коварский Викторин Иванович. Гм... Не Виктор, а именно Викторимн... Карбидин... аналгин... аспирин... резерпин... сульфазин... Как же его навеличивать? Потом, когда проскочим стадию знакомства? Викторка?.. Виктуся?.. Витеша?.. Викторинка плюс-минус запинка?.. Ай-ай! Нашему Витеше уже сорок шесть настукало!.. Когда только и успел... Вах, вах... От его сорока шести отстегиваем мои двадцать во-

семь. Восемнадцать разница. Не трагедия, не трагедия... Да с таким приданным!.. У родителей Чайковского тоже было наше сальдо. А сораторили композиторенка будь здоров! На радостях аж лебеди заплясали!.. И до сих пор расплясывают во всем мире! Увы и ах, сказал пан монах... А старики Конфуция вообще оконфуцились. Ему семьдесят. Ей шашнадцать кругом... Наверно, когда разница слишком порядочная, чаще выскакивают философы... За макулатуру приплавил четырехтомник Лондона, который Джек. Отец его старше мамашки на двадцать четыре колышка. Это уже ближе к нашему сальдо... Ба-а!.. Да чего кивать на чужого, на заморского Лондона, когда мы можем, извините, своего!.. Мой же Витяша корреспондент журнала «Деньги в кредит»! Бож-же!..»

У нее вспотели руки. Пересохло во рту.

Срезанно качнула томкие блестящие глаза на карту, обращаясь к Коварскому, — сидел обреченно сбоку стола на крайке стула:

— У вас тут все правда?

Коварский смиренно, как-то флегматично зарделся.

«Скромник... Тихохонюшка... Неужоженный, сытости в лице нет... Какой-то ничейный... Бесхозный мужичониска. Гремит арматурой. Одни ж кости! Ну да ладно. Кость тело наживет... Одежонка явно не из «Березки»... Наточняка холостежь. Неоднократно покусанный¹... Итак, подобьем бабки. Что мы имеем в пассиве? Критический возраст, феерическая худоба, тоскливая маломерность... Дэ-э... А что в активе? Корреспондент!.. Правда, это я так хочу. Корреспондент и ни йотинкой ниже. В карте неясно. Какая это Манефа регистраторская царапала левой лапкой? «Корр» и все. Ну что значит это корр? Гадай... Неужели лень было полностью царапнуть? Все спешат, спешат. Все на сокращениях едут... Ну что значит это корр? С этих дурацких сокращений меду не лизнешь. Ведь с корр кто только не начинается! Кормчий. Короед. Корнишон. Король. Коридорный. Коростель. Коррехидор. Коршун. Корсар. Кормило... Фу! Какая чепухня лезет!.. Конечно, не кормчий. И корсар мимо. И король-королевич еще мимей! И не корнет. Бравость на обе ножки упадет! Зато, можь, сам корнет-а-пистон²?! О нет! Сразу не заметила... Тут же два рэ! «Корр»! Вот же!.. И видок... Все уклоняется к корреспонденту. Сколько читала... И алики ж эти корреспонденты, и нахалюги, и с виду затрапезники затерханные. По всем моим наметкам корреспонденту. В газетах так даже подписываются — «Наш корр». То ваш корр, а Витяшик — мой корр! Мой! Корреспондент! Служба... должностенка при «Деньгах»! Да вякни я кому из наших белохалатниц, завистью захлебнутся! Мне больших плюсов и не надь!..»

Я так хочу!

Чтобы радость застонала!!!

Ой, черт! Даже на пенье занесло!.. А если он и стихата наловчится про меня лепить?.. В примерку, такие. Это пока мои. «Битва за тонкую талию» называются:

Ее душа уж угасала

И запросила к ночи сала!

¹ Покусанный — разведенный.

² Корнет — медный духовой музыкальный инструмент в виде рожка. Корнет-а-пистон — корнет с более сложным устройством.

Умереть не встать! Прелесть! Ухожечесья!..

А что он поймееет, выходя за меня? Небось мечтает о балеринке. Мечтай! Не запрещаю. С душевной щедрости я дам ему целых три балерины³! Я ж сама такая, как говорил мой одесский дядяня, бэрэшь у руки — маэшь вэць! У нас всего шире океана! Одно жалко, что повелитель мой мелковатистый. Он, поди, и обнять меня не сможет! Ручки коротки. Отдельные места, допускаю, сможет... А... От нынешнего мужичонки грех всего требовать. Кой да в чем надо сходить и на уступку. Иначе он вообще в одинарку сойдет в свою старость... Итак, в итоге... Надобно брать Витюшку, пока не перехватили другие...

Брать-то брать, но и брать надо с головой. То есть он мне без головы не нужен. Я возьму его в полном комплекте. Возьму все, что сидит сейчас сбоку моего стола. Брать с умом. Не лягну же я ему, что он мне симпатичен. Как напрямую не открыться самой и в то же время дать понять, что мне он небезразличен? Тут нужна тактика. Маска. Маска безразличия, равнодушия. Мужик с напеком. Аксиома. Чем холодней к нему, чем дальше держишь его на прилично-отчужденном расстоянии, тем он горячеей, тем он дурей лезет в амбицию, ударится варить глупости, распекается и кидается на тебя, как с голодухи кидается тигр на освежеванную, подвешенную в хлеву парную телку».

Она твердо положила белые гиревые мячи-кулаки по углам стола и, нарочито сухо глядя на Коварского, спросила, подпустив в голос веселого яду:

— Ну что, товарищ Коварский? Будем лечиться?

Коварский заискивающе покивал:

— Бым! Бым! Я не возражаю. В таком коленкоре я всегда за.

Она вмельк окинула его затрапезный костюмишко и, давя в себе насмешливость, сказала:

— Снимайте ваш хипповый пиджачок... Раздевайсь. Будем знакомиться, что вы там веселенького принесли показать.

Одним рывком Коварский снял через голову и пиджак, и рубашку, и нижнюю теплушку, и все то горкой толкнул на спинку своего стула. Отвернувшись, поддернул брюки и разогнался расшнуровывать ботинки. Но, чуть согнувшись, ойкнул и окаменел, схватившись за поясницу. Боль без языка, а сказывается. Проклятый радикулит!

— Доктор! Я разуться не могу...

— Разуваться не обязательно. Не в бане.

Коварский немного разогнулся.

Пожаловался после короткого отдыха:

— Все!.. Ровней не разгибаюсь. То же тело, да клубком свертело...

Странно. Но раздетый до пояса Коварский внушал ей симпатию больше, чем одетый.

Просторные, разгонистые для его комплекции плечи, упругие мышцы рук, твердый живот... Она выслушивала его, выстукивала, хозяйски охлопывала. А Коварский только блаженно жмурился и всхохатывал, по временам ежась и отдергиваясь от ее прохладных настырных рук.

«Не бойся моих рук — это мост между нами», — меланхолично подумалось ей словами песенки. Вчера слышала по радио.

К проснувшемуся радикулиту примкнуло и кроводавление. Пустяшное. Сто пятьдесят на девяносто.

³ Балетный вес — сорок восемь килограммов.

— Зряшно напряженьце! — ободрился Коварский и, смелая, начал на себя жаловаться. Он вообще любил доносить на себя врачам. — Доктор, а отчего это?.. Наклонюсь резко — в виске щелкает, как счетчик какой?

— Не наклоняйтесь. Не будет щелкать.

— А еще, знаете, у меня с год уже звенит в левом ухе. Так то-о-ненько.

Как комар...

— Ну и что? Надоест ему — перестанет.

В глазах у нее шатнулась смешинка:

— Ох, мой Бог! Болит мой бок, девятый год не знаю, которо место!

Коварскому не нравится, когда ему не отвечают. Он замолкает.

И лишь понуро следит, как Дзыга выписывает уже третий рецепт.

— Я выписала импортные таблетки. Сильные. Сразу наповал сшибает давление!

— Вместе с больным? Я, доктор, не верю сильным лекарствам. Они одно в нас лечат и тут же другое инвалидят... У нас один говорил: кого схоронили, того и вылечили. Человек не скотинка, испортить недолго... А нельзя ли лечить без таблеток? Без этой всевластной химии? Физкультурку там какую прописать, травки безвредные... На всяку ж болезнь по зелью вырастают! И собака знает, что травой лечатся!

Дзыга сердится:

— Коварский! Так то собака! Травки-муравки... Физ-культурка-мурка-дурка... Да в вашем возрасте! Вам нужно, чтоб с вами всегда рядом был, — поиграв ручкой, она ставит ее на запястье стержнем вверх к себе, как бы показывая между прочим, кто именно должен быть с ним всегда, — обязан быть рядом знающий медицину человек. И по совместительству чуткий, внимательный, заботливый... И не через сто лет... — Она тихонько потукала стерженьком по часам у себя на руке: — А сейчас... Здоровье уходит...

Коварский тоскливо перебивает:

— И что это вы мне запели: «Наша перепелочка старенькая стала»? Не рано ли во вторсырье списываете? Да вы знаете, как я еще с Леночкой⁴-очаровашкой приплясываю перед теликом?! Сущий черт на примусе⁵! А вы... В вашем возрасте! В вашем возрасте!..

Ворчанием Коварского Дзыга довольна.

Раз ворчит, значит реагирует. Значит, еще жив мужилка. Может, дело еще до клева дошатается... У-у! Этого мнительного, куражливого Коварского надо постепенно подпихивать к исторической мысли, что в его годы без врача рядом рискованно оставаться одному. И лишь когда он окончательно дозреет, вырастет в эту мысль, она настойчивей побеспокоится, чтоб внимание его легло именно в ее сторону, и уж тогда он хлопнет себя по лбу: ай, как же я раньше, старпень, не догадался! Вот и поспел жаних! И в суматохе душевной несет ей на подносе руку, сердце и прочие причиндалы семейного счастья.

А пока пускай для разминки ворочит. Все старики ворчуны. Это ворчанье у них в крови болтается...

Она влюбовинку смотрит на него, смирно выслушивает все его протесты. Он с молодым пылом доказывает, что травиться ее всесильной химией ни за какие коврижки не разбежится.

⁴ Елена Букреева — мастер спорта. Вела в 80-е гг. телеуроки ритмической гимнастики.

⁵ Черт на примусе — озорной, ловкий человек.

Она искренне удивлена.

— А раньше было у вас давление?

— У нас все было. Сто восемьдесят хотите? И резерпином ссадили.

Она сражена.

— Так резерпин я выписываю детям до двадцати лет... Коль вам по-могает... Я выпишу послабей... клофелин. Сладенькие пилюльки... Как конфетки...

— Конфетки... сколь угодно...

Через три дня давление у Коварского хоть в космос засылай. Сто де-сять на восемьдесят. Сворачивается радикулит.

Это не на шутку подпекает ее. Выздоровеет же, улетучится и — здо-ровому врач не надобен! — не явится больше... Нет, мне интересней, чтоб он все же ко мне хоть годом-мимоходом заглядывал. Только ну как ему про это пальнешь?

На дню она раз по пять летает вниз, в лихорадке вертит амбарную кни-жищу самозаписи к ней и, набежав на его фамилию, расцветает цветком.

Придет!

Каждая ее веснушка солнышком сияет. Сколько веснушек, столько и солнышков на лице горит. Придет!

В день Коварского она как на бал разряжается. Дунь — полетит!

Вскочит до света. И нет ей маятней дня. Толком не поест, скорей в поликлинику. Ног под собой не чует. Прохожих не видит. Закадычниц своих обегает. Не узнает! Не тормознет посплетничать. И до поры к себе в кабинет.

А потом раз по разу выскакивает. Вроде по делу. А дел всех-то — Ко-варский! Глянуть, скося только глянуть одним глазком. А там и пускай идет на все четыре ветра.

Но вот увидит его — натянет маску. Неприступна, холодна, как та далекая мочалка из времен большого ледникового периода. Не вижу! Не знаю! Прошьет мимо как незнакомая. Кивка не подаст. А он упрело пя-лится на нее, угодливо ловит ее взгляд, кланяясь.

Удостоверившись, что он «на посту», под дверью, она успокаивает-ся. Дело у нее помалю меркнет. Рассыхается.

Как-то медленней ползут больные. У всякого она выскивает боля-чек по коробу. И всякого дотошно расспрашивает. Пускай подольшей помнется он тут. За дверью!

Но вот входит Коварский.

Она совсем чужая. Застывшая. Вся презрение. Въехала дуроська в каприз. Никого не видит, никого не слышит, точно к ней пустое место зашло, а не человек. На привет его не отвечает. Уходя, он тоже уже при-вета не скажет. С обиды.

Это ей к душе.

Раз обижается, значит, небезразлична она ему. Значит, переживает. Значит, дело бежит своим, намеченным ею, путем. К встрече вне поли-клиники.

Однако всему приходит конец.

Почти пришел конец радикулиту Коварского. Коварский повеселел, распрямился, будто подрос на полголовы.

И чем стремительней веселел Коварский, тем плотней завешивала грусть ее лицо. Ну поправится этот чертушка Коварский, разве потом хоть на канате затынешь его к себе в кабинет?

На горизонте блеснула разлука.

Блеснула и погасла, нетвердо отодвинутая мнительностью Коварского.

Все чудненько, как-то неуверенно хвалился Коварский, да не совсем. И нагнуться можно, и метни ногу выше головы — ни боленки, и пробежаться — пожалуйста, и резко повернуться — крутись юлой, боли вроде никакой, а все ж зацепка какая-то в Коварском сидит. Раньше, делая по утрам гимнастику, крутя руками, беспечно резко поворачивался куда угодно, а тут крутани раз, крутани два — что-то вроде цепляет в крестце.

— Цепляет? Отцепим! — ласково обещает Дзыга, довольная, что походы Коварского не прекращаются, и думает вслух: — Наверное, что-то с нервами? Может, сделаем снимок позвоночника?

Она решает направить его к невропатологу.

Но не направляет.

— Сегодня направление не выпишу. Кончились талончики. Забегайте недельки через две!

Коварский нарисовался в названный день.

Есть направления, но у кого-то не стало какой-то пленки. Не на чем делать рентгеновский снимок.

Коварскому нежно велено заглянуть еще недельки через две. К возможному заводу пленки.

«Будь порасторопней, назначил бы сегодня свидание. Сегодня была б тебе и пленочка, которая, кстати, никогда и не кончалась».

Но Коварский ни о чем таком и не думает. Хмыкая, он думает о несчастной пленке, об усталой, полинялой докторше, которая, в свою очередь, понимает, что вертит она что-то несусветное, поскольку твердо убеждена, что никаких снимков Коварскому делать не надо, радикулитовские остатки и сами рассосутся. Но своими руками отдать свое счастье кому-то другому ее вовсе не манит, а потянуть волюночку с направлением не преступление. Пускай потрется этот Коварский тут подольше. Глядишь, созреет. Назначит свидание.

Наш же Коварский не доспел до отваги на свидание с лечащей врачом. У него такой и самой беглой мысли не могло просечься, поскольку врачей он в душе боялся, особенно хирургов, которые, по слухам, режут больных на операционных столах, как капусту. Кто лечит, тот и увечит. Так пугали его хирургами в детстве. И он своего мнения о них еще не насмелился изменить.

Да и терапевты у него под тяжелым сомнением. Это терапевты больше других выписывают кучи разных лекарств, которые в нас вытворяют не знай господь что. Неколебимо сидело в нем бабушкино: и хорошая аптека убавит века.

Минули две недели.

Минули три.

Минули четыре.

А Коварский все не шел.

Она забеспокоилась. Не знала, что и подумать. Это чужая болезнь дает поесть, а про свою про беду и сказать не могу... Что же с ним приключилось? Может, уже крутит понты какой-нибудь зелененькой виляйхвостке? Почему не идет? Почему?

Ломая в себе гордыню, она позвонила Коварскому.

Он ответил. Нормальный, здоровый голос.

Она не отозвалась на его суматошное алеканье. Положила трубку.

Дня через три она пошла по вызову. Вызывали соседи Коварского. Уходя от соседей, она мысленно нажала на звонок Коварского. Даже пристыла на миг у его двери. Но звонок промолчал, за дверью было мертво.

Вздохнув, она побрела вниз к своей скоряшке.

Застенчиво светило солнце.

Как-то очужело, холодно, свирепо стращивало с неба первый снег. Опустив лицо, она заплакала.

Накатилась зима, очумело лютая, бесконечная, с толстыми, сытыми снегами. Позакидало все дороги, и она, понуро тащась к своим часам в поликлинику, заворачивала пройти мимо окон Коварского. Спесиво-воровски, брошенно вскидывала летучий глаз и никого в окнах — окна цвели морозными узорами — не видела.

Она стала больше есть, еще подползла, и уже к себе в кабинет едва пропихивалась боком.

Частенько она брала карту Коварского, подолгу уныло сидела над ней. Перечитывала его жалобы, свои диагнозы, копалась в анализах. Анализы ей нравились. Она находила их превосходными. Только этого она не могла сказать про его анкету. В конце концов, кто же этот горяшка по должности? Ну регистратура! Боги мои! По-людски не могут записать. Разбери-на!.. «Корр. журн. «Деньги в кредит». Что за корр? Корреспондент? Ладно, если так... А может... Коррепетитор⁶..? Коррехидор⁷..? Тоже везде по два рэ, но чепухня явная. Наверняка этот дурноед того и не стомит, чтоб об нем светлую голову сушить... А гусь хор-р-рош, еще б только летал... Как прибежал ко мне с радикулитом, так с той поры ни ногой... Ни одной свежей записи. Значит, здоров. А то б боль врача нашла...

Или этот Коварский железобетонный? Никакие болячки его больше не кусают!.. Ничего, зиму перекукует. А весной змей вострокопытный, глазом не мелькнут, прискачет. Как миленький. Радикулиты, как молодые коты, любят раннюю весну!

Она ошиблась ненамного.

Не ранней весной, но и не поздней, а как раз посреди весны, в апреле, Коварского подпекло. Он живо-два вспомнил свою спасительницу.

— Доктор! Дорогушенька! — зажаловался с порога. — Помогите в борьбе... в неравной борьбе с товарищем недугом... Хотя отвальную заказывай... Сажусь утром, извините, на горшок — как перерезало. Хэх! Чуть не ухнул на пол! Хорошо, успел схватиться за ванну. Совсем уходила беда!..

Она слушала с поощряющей улыбкой.

Ай, блудный Коварский, снова ты старые песни поешь... Ну куда ты без меня? Пропадешь, буявый!

Ей хочется с ним поговорить. Но она не знает о чем. И для связки слов роняет первое, что набежало на язык:

— Ну что, Коварский, в очках ноги не потеют?

— Не-ет! — простодушно рапортует он.

Ее ласковый вид разогревает его.

⁶ Коррепетитор — в оперном и балетном театре пианист, помощник дирижера.

⁷ Коррехидор — административно-судебная должность в Испании. Основная функция: надзор над местной администрацией и судьями.

И он, разгonyясь, поспыал обо всем, что свертелось с ним за все то время, покуда они не виделись.

— Знаете, однажды раз... Вечер. Выхожу на сон подышать. Иду, куда глаза повели... Вдруг в голове стало как-то жарко... душно... Чуть сознание не обронил. Что бы это?..

— Это звоночек оттуда... — нежно улыбается она.

Коварский замолкает. Хмурит лоб.

Она спохватывается — радость порушила! Но уже поздно. Яд-слово вылетело. За щеку не загопишь. И ей не по себе, что вот с огня-восторга такая неладь выскочила.

Годы ее не девочкины. А повадки остались детские.

Там, в детстве, она свою симпатию к нравившимся мальчишкам выражала тем, что то ударит, то ногой зацепит своего пригожика да в спину его подтолкнет и убежит, то кинет ужонка за воротник, то ящерку. Теперь, на наших днях, воли рукам-ногам она не дает. Но не находит сладу с языком. Ох, языке, супостате, губителю мой!..

Выписывая рецептишко, Дзыга вспоминает, что толком и не знает, кем он работает.

— Вы, — спрашивает тоном как бы между прочим, — кто по образованию?

— Литератор, — постно буркнул Коварский.

— Моему уму это не понять. Вы что, книжечки кроссвордов составляете?

— Я предпочитаю кроссворды разгадывать!

Она жалуется, что за свою жизнь ни одного кроссворда не развязала. Восторгается, как это ему, Коварскому, удастся одному распутывать целые кроссвордищи, не забыв мягко примахнуть к моменту любезные слова про то, что настоящий ум простор любит.

Однако Коварский — у Коварского характер: с места трактором не столкнешь! — не поддается на ее лисьи подольщения. Его будто заело. Все сворачивает на радикулит.

— А нелекарствами можно выгнать из поясницы радикулит? А правда, по радио слышал, что помогают отвары бузины, сельдерея? А в Австралии лечат даже дождевой водой?!

— Это упасть! Коварский, ту передачу я тоже подслушала... Да то про ревматизм говорили, а не про радикулит! Не путайте... Полезно вам прикладывать к пояснице собачью шкурку... Полезно висеть на турнике...

Ее таблетки, мазь не помогали.

День так на пятый, утром, когда Коварский чуть наклонился над умывальником, собираясь умыться, его так всего и переехало. Еле удержал себя на ногах.

Коварский выдернул с книжной полки справочник фельдшера.

У него правило. Прибежал от врача, сразу в справочник. Да то ли назначено?!

Всегда сверял. А тут забыл.

Ее таблетки добросовестно глотал, мазь втирал. А этого, оказывается, мало! Надо лежать! Вот же: «Постельный режим, сухое тепло, анальгетики».

Коварский в панике заложил нужную страницу белым шпагатом, справочник в дипломат и, забыв позавтракать, во всю прыть пожег в поликлинику.

Если не даст больничный, яростно калил он себя по пути, я ее носом воткну в «постельный режим»! Ну и бомбочка у меня в чемоданике! Правильная книжища!.. Мне вон даже трудно уже сидеть. Надо лежать. А она настрогала таблеток, мази. Топай, милаша, бюллетенишка не жди!

А ты Белянчикову⁸, вилюшка, послушай! А ты в любую газету загляни! Все поют дружным хором: поскорейше беги к врачу, не запускай беду!

А что мы имеем в натуре? Раз можешь своим ходом удалиться из кабинета — здоров! Никакого тебе освобождения! Ей что? У кого не болит, у того и не свербит. Мастерница выпроваживать без больничного... Наточная начальство ее за то заваливает благодарностями. Зорко охраняешь бережешь копейку. Но!.. Пожадничаешь, сегодня убережешь мнимую копейку. Да завтра не вышвырнешь ли на ветерок вполне реальный, живой миллионик? А? Не слышу ответа что-то...

А насчет миллиона разве я неверно?.. Хворь ведь штука ох приживчива, ох прилипчива... Как гангрена... Скажем, с пальчика пошло-поехало. Сегодня отсеки пальчик — жив будешь. А пожалей сегодня пальчик... Только слабинку дай — завтра ты уже без ножки или вообще откажешься. Конечно, это крайность... Оно и без крайности здоровьице уходит пудами, а входит, извините, золотниками. Так где же здесь зарыта экономия? Посчитайте, сведите дебет с кредитом, Ну ворохни мозгой... Иль нечем ворохнуть? «Математическая приставка слаба»? То-то!..

И потом, больнуша аховый трудяга. В полную силу не тянет. Его только на то и хватает, что лишь изображает работу. А пудики из него текут, текут, текут. А ты вовремя дай отлежаться страдалику, вовремя капитально подыми его — государству барыш? Барыш!.. Вот я... Да вытряси она осенью из меня весь радикулитище, разве б я сейчас летел к ней?

При этих кипящих, ералашных мыслях Коварский, не останавливаясь у двери, провеял в кабинет, с недоумением покосился на дедка в белой кепке, который застегивал пиджак.

«Живей, живей отсюда, сверчок в панамке!» — приказал взглядом Коварский и тут же с молчаливым вызовом приткнулся на еще теплый от деда стул, накрыл дипломатом колени.

Вид у Коварского был воинственный, наступательный. Он взъерошен, как мокрый пегушок в драке.

— Достаточно ли... то лечение, которое... вы мне, простите, назначили? — деревянно протараторил Коварский, прерывисто дыша.

Она подивилась его бойцовскому тону. Вальяжно так повела пухлявым плечом:

— Усилим укольчиками... Ну, так уж и быть, дам я вам погулять. А то русская литература ненароком понесет невосполнимую утрату.

Коварский стерпел эту шпильку, едва не сорвавшись. Молодцом удержал себя от горячих комментариев. Его уладило то, что верх был-таки за ним. А что там будут лалакать, дело второе.

Каждый день ходил он на уколы. А через день болел еще по два часа под дверью у Дзыги. Она машинально продлевала больничный. Он уходил.

Со временем он прибил к мысли, что не обязательно по два часа дежурить под дверью. Надо просто подскакивать к концу ее смены. Народу уже не тыща. Реденько. Хватит ей и нескольких минут.

Кончала она в четыре.

⁸ Белянчикова Юлия Васильевна — в 80-е гг. была ведущей телепрограммы «Здоровье».

Он подкатывал к ней коляски через день без четверти четыре. «С гриппом больничный сразу дают на пять дней. А с радикулитом бегай через день!.. Пор-рядочки!»

Она смотрела на него не то устало, не то счастливо.

— Ну что, Коварский? Вы нам на закуску? Ладушки... Есть кто там еще? — и вяло показывала глазами на дверь, за которой отдыхала тяжелая тишина.

— Я последний.

Все лилось у них вроде бы ладом.

Но шестнадцатого свертелось чепе.

Обозначился Коварский в свое время — кабинет закрыт.

Что делать?

Бегом в регистратуру.

Ему сказали, закончила Дзыга уже прием. Уехала по вызову.

Завтра у нее диспансерный день.

Уже на восемнадцатое Коварский записался к ней в амбарную книжку. На двенадцать ноль-ноль.

Что-то дурное жало сердце.

Опасаясь неясной беды, пришлепал раньше двенадцати, тихой мышкой присох под дверью. Несусветно казнясь в ожидании своей очереди, лишь в половине второго как-то бочком, виновато, зыбкой тенью втек в кабинет.

— А-а! — кровожадно распахнула она громоздкие руки. — Неувядаемый! Незабвенный!! Те же и гулена Коварский!!!.. Ну-ну! Потрудитесь объяснить!..

— Я... я... — кающе захлебывался словами Коварский. — Я... я... Со всем не виноват... Я не хотел... Я был...

— Что были — верно! — язвительно подтвердила она. — Но где? И с кем? С кем вы были шашнадцатого вечером у «Новогонореева»⁹? Что это за моченый бобслей?.. Дождь. Ветрило зонтик у вас выворачивал... Так под ручку с кем вы променаж совершали? Кто эта мамзелино?..

Коварский оцепенел. Немигающе тупо уставился на Дзыгу.

Что за наваждение? Он кинулся объяснять, почему шестнадцатого не попал на прием. А из него тянут черт-те что!

Коварский не мог на скаку перелетать в разговоре с предмета на предмет. Ему дай обдумать ответ. Обстоятельный во всем, он ушел весь в ответ, так что у него даже сил не осталось хоть моргнуть глазом.

— Коварский, вы живы?.. Так с кем это вы шпацировали под ручку?

— А мы вас... не заметили... — робко, с боязливым изумлением сознался Коварский.

— Ну да! Не заметили! Оба все извертелись... Извините, и у кого вы, тихонюшка, экспроприировали эту юную хризантему?

— У с-самого Б-боженьки...

— Так, так... И кто вам теперь эта скоромилка?

— Ж-жена...

— Может быть. Да только чья?!

— М-моя... Загсом даденная...

На вздрог побледнела Дзыга.

— Когда это вы успели? Же-на!..

К этому моменту Коварский уже освоился наконец, заговорил твер-

⁹ «Новогонореево» (шутл.) — станция метро «Новогиреево» в Москве.

же, даже как будто радуясь тому, что вот неожиданно-негаданно и выско-чила прекрасная возможность отблагодарить доктора.

— Доктор! — зазвенел Коварский. — А мы успели благодаря исклю-чительно вам... Спасибочки! — Коварский угнул в поклоне шею. — По-мните?.. Я, кажется, в третий раз приклепал к вам за направлением к невропатологу...

— Ну?

— За мной взяла очередь она. Тоже за направлением... Слово к сло-ву... Сознакомились у вас под дверкой... Разговорились. Один недостаток прорезался на двоих: словесное недержание. А очередина жуткая... Плю-нули на направлении и айдате вместе дышать кислородом. Саукались... Расписались месяц назад...

— С чем и поздравляю! — нервно хохотнула Дзыга.

Сорванно, по слогам повторяя «По-здрав-ляю!.. По-здрав-ляю!..», пустилась неуправляемо, черно, скачуще писать в больничном, в строке про отметки о нарушении режима, нажимая на стержень так, что на-сквозь продирала листок:

С 16/04 по 18/04 на прием не явился!!!!

В конце фразы она хищневато покружила на месте шариком. Так что черная точка вышла сверх всякой меры какая — то брюхатая, неуклю-жая.

— По-здрав-ляю! — смято, отстраненно повторила еще раз и кинула Коварскому больничный.

Разгромленный Коварский чуть было не сполз под стол.

— Да что вы натворили!? — пыхнул задушенно. — Ка-ак не явился?.. Ка-ак не явился?.. На работе сочтут, что эти три дня я баклуши сбивал. Что я там скажу?.. Не оплатят. На цугундер потянут... Я не виноват, что шестнадцатого вы кончили до срока! А я был!.. Я после ходил на уколы. В процедурной зарегистрировано... По этой вашей записи я и сегодня не явился? Как же... Я ж стою... Отсвечиваю перед вами!

— Нет, Коварский, вы не явились... В другое место вы без зова побе-жали, а ко мне и по талончику не пришли... — тихо, сломленно прогово-рила она, проговорила так, будто речь шла о чем-то невозможном далеко, безвозвратно отошедшем и уже таком нереальном.

— Но у меня раду... ради... рада... кулит все еще скулит... Не загло-ши... И ... И башня чумно скрипит!

— Голова болит... Ну и что ж! У вас больничный по радикулиту.

Коварский с распахнутым ртом не двигался с места.

— Все... все... — потерянно, прощально махнула она рукой. — С зав-тра я выписала вас на работу. Идите... Пожалуйста, кончайте отсвечи-вать... У меня под дверью ждут... Больные... Не мельтешите. Сократитесь ради Бога... На байки меня нет... С чем не согласны, жалуйтесь главной...

Главврач Нетроньшуба все проверила.

Действительно, Коварский прав.

Под черной дзыгинской вязью главврач по-школьному крупно, гла-засто вывела: «Запись ошибочна».

Со вздохом расписалась.

И нашлапнула сбоку круглую свою печать, слегка похожую на весе-лый бантик.

— Врач живет ради других, — назидательно сказала Нетроньшуба. —

Всякую чужую болячку к себе приложи... Но всегда ли он в состоянии помочь себе? Вы уж не взыщите... Как ее наказывать?.. Может, она равнодушна к вам?..

— Что вы! Что вы! — краснея, потупился Коварский. — При жене-законнице побочные шурочки-амурочки-шнурочки... Мне эти шоко-мокко ни к чему. Да упаси Бог! В моем возрасте я предпочитаю в левый хоккей не играть.

— А у нас было... Врач жаловалась на одного пациента. Пациент на нее. Взаимно... Встречно... А потом она стала ему стихи посвящать. Вот и разберись!

Все спорные дни — шестнадцатое, семнадцатое, восемнадцатое — Нетроньшуба внесла в бюллетень, разгонисто пронеслась по тесному полю листка: «Исправленному верить!»

Подумав, расписалась еще раз. Пристукнула еще одну свою печать.

— Теперь у вас больничный в полном абажуре. Вы уж извините за недоразумение с Дзыгой. Молодая... Исправится...

— Конечно! Конечно!

Коварскому, корректору, важней всего было, чтоб тексты всегда проходили без единой наклейки.

И вот ошибка исправлена.

Однако удовлетворения он никакого не испытывал.

Напротив, с ленивой тоской подумал: «Если б знать... А не зря я тогда заваялся дышать кислородом?.. Может, стоило дождаться направления?..»

